

Пэтти была почти на сто процентов уверена, что виновником беременности Ван Цзиншаня стал его необычайно красивый «кузен».

Ван Цзиншань не был похож на нее. Он отличался редкой верностью и никогда не стал бы целоваться с кем попало.

Да и вообще, ей стоило сообразить гораздо раньше. За все годы дружбы они впервые видели, чтобы суровый офицер смотрел на кого-то подобным образом. Любящий взгляд невозможно скрыть от окружающих. Определенно, думала Пэтти, он без памяти влюблен в своего загадочного родственника.

Безумное веселье на яхте затянулось до самого рассвета. Лишь с первыми лучами солнца гости начали не спеша расходиться по каютам. Пошатываясь от усталости и хмельного возбуждения, они брели отдыхать в номера первого класса, где их ждали глубокие диваны, мягкие королевские кровати, персидские ковры, картины на стенах и дорогая дизайнерская мебель.

Носк спал без задних ног. Он даже не заметил, как еще глубокой ночью Ван Цзиншань, изнемогая от усталости, перенес его в ванную и бережно опустил в купель.

Беременность давала о себе знать — утомление накатывало мгновенно. Уложив партнера, Цзиншань выбился из сил настолько, что не мог даже подняться. Он так и остался сидеть на краю ванны, тяжело дыша и переводя дух.

Погруженный в глубокий сон юноша тихо покоился в воде. Легкая рябь расходилась кругами, словно ласковые ладони возлюбленного, скользящие по его безупречному лицу, которое будто поцеловал сам господь. Мокрая одежда плотно прилегала к фарфоровой, гладкой коже, очерчивая рельеф тонких мышц.

Носк был прекрасен. Настолько, что его красота, подобно божественной прелести Афродиты, могла с легкостью пленить разум любого смертного.

Ван Цзиншань опустил руку в воду и слегка взболтал ее. Шероховатые пальцы, привыкшие за долгие годы службы сжимать рукоять револьвера, осторожно коснулись нежных, бледно-розовых губ Носка, а затем перешли на его собственные.

Словно искра, разгоревшаяся в самой глубине души, это прикосновение заставило офицера вздрогнуть. Горло судорожно сжалось, кадык дернулся. Он все еще мысленно возвращался к их поцелую, жаждая большего. Осознание пришло в тот самый миг, когда он впервые поймал себя на мыслях о близости с этим существом. Он бесповоротно, до беспамятства влюбился.

— Носк...

Офицер окинул его нежным взглядом, всыпал в воду еще одну упаковку морской соли и

наконец заставил себя подняться, чтобы уйти.

Веки Носка дрогнули. Он попытался открыть глаза, но безуспешно. Алкоголь действовал на осьминогов как мощное снотворное, погружая сознание в вязкую дремоту.

Однако непослушные щупальца жили своей жизнью. Им не спалось.

Тихий шуршащий звук нарушил тишину ванной.

Едва Цзиншань сделал шаг к двери, как из воды бесшумно скользнули темно-красные гибкие отростки и крепко обвили его лодыжки.

— Носк? — неуверенно позвал он и обернулся.

В то же мгновение его зрачки сузились от шока. Лавина щупалец мгновенно скрыла его из виду. Его повалило назад, увлекая в кокон из влажных, упругих колец, напоминающий мягкую скользкую постель.

— М-м... Носк... пусти...

В ответ раздавалось лишь довольное причмокивание присосок. На кафельный пол лениво капала густая слизь, оставляя влажные извилистые следы.

Многომиллионная аудитория, увлеченно следившая за трансляцией на маленьких экранах, обомлела. Зрители, что до сих пор с замиранием сердца наблюдали за развитием отношений между доблестным офицером и загадочным осьминогом, впервые столкнулись с подобным произволом цензуры.

[Почему экран погас?!]

[Эй, трансляция канала монстров, вы там вообще работаете?]

[Какого черта?! Мы за что VIP-подписку оплачивали?! Покажите все!]

Проснувшись утром, Носк чувствовал себя превосходно — бодрый, полный сил, словно заново родившийся осьминог. Он выбрался из ванны и озадаченно уставился на валяющиеся повсюду клочья разорванной одежды. Впрочем, долго ломать голову над этим он не стал. Мокрые вещи для него — дело привычное, к тому же он помнил, что Цзиншань предусмотрительно захватил для него сменные наряды.

Шагнув босыми ногами на пол, Носк поморщился: плитка была покрыта слоем липкой, скользкой слизи. Он тут же сердито пригрозил пальцем собственным щупальцам:

— Да когда вы уже научитесь аккуратности? Столько слюней напустили! Для людей это выглядит так же отвратительно, как если бы вы харкали прямо под ноги!

Щупальца виновато сжались и поспешно убрались восвояси. Ни одно не осмелилось высунуться.

Но Носк все еще сердился. «Утонченность» — новое слово, которое он подслушал у здешних аристократов. И сейчас ему казалось, что эти дикие, эгоистичные отростки начисто лишают его этой самой утонченности.

[Ха-ха-ха-ха-ха!]

[Большой осьминог, похоже, даже не догадывается, чем его щупальца занимались всю ночь за его спиной!]

Носк замер. Он резко нагнулся, поймал одно из щупалец и прижал его к щеке, блаженно втягивая носом воздух. От него пахло Цзиншанем.

Носк приоткрыл дверь. В спальне никого не было. Постель оставалась идеально заправленной — похоже, на ней этой ночью никто не спал.

За окном уже брезжил рассвет, первые лучи солнца коснулись горизонта. Оставив позади узкие каналы, лайнер наконец вышел в открытые морские просторы. Распахнув створки, Носк впустил в комнату свежий бриз, который мигом унес ночную духоту. Набрав полную грудь соленого морского воздуха, он раскинул руки навстречу мягкому утреннему свету. Жизнь казалась прекрасной.

Сквозь чистое оконное стекло он заметил знакомую фигуру на палубе. Его человек. Его возлюбленный.

Носк тепло, счастливо улыбнулся и с нежностью прошептал дорогое имя:

— Цзиншань.

Его личный, единственный Ван Цзиншань.

Солнце только всходило. Багровое зарево, напоминающее пожар, охватило половину небесного свода и отразилось в лазурных волнах. Ветер трепал волосы мужчины. Поежившись от утренней прохлады, он плотнее запахнул халат, накинутый поверх рубашки.

Проходившая мимо Пэтти изумленно застыла на месте.

— Цзиншань... Ради бога, что с тобой стряслось этой ночью?

Ей было отлично видно, что из-под халата выглядывают лишь лохмотья некогда белой рубашки. Кое-где на бледной коже проступали багровые отметины и синяки. Лицо его было серым, взгляд — отсутствующим, а под глазами залегли глубокие тени. Вид у него был невероятно замученный, будто он пережил тяжелейшую битву.

— Пустяки, — глухо отозвался Цзиншань. Не желая вдаваться в подробности, он покосился на пачку в руках Пэтти: — Найдется сигарета?

— Ты же вроде не куришь... — протянула она, но все же достала тонкую дамскую сигарету и щелкнула зажигалкой.

Раздался негромкий щелчок. Огонек вспыхнул, и тонкая струйка дыма поплыла по ветру. Ван Цзиншань сделал затяжку и тут же закашлялся, согнувшись пополам.

— К слову, — заметила Пэтти, — будущим папашам курить категорически запрещено.

Ван Цзиншань послушно опустил руку. Больше он не затягивался — просто молча наблюдал, как тлеет огонек на кончике сигареты, пока та не превратилась в горстку серого пепла, который тут же унес соленый ветер.

— Судя по твоему виду, — ухмыльнулась Пэтти, — ночка у вас выдалась жаркая.

— И не говори, — пробормотал Цзиншань. В каком-то смысле она была чертовски права.

Ничего подобного он в своей жизни еще не испытывал. Стоило воспоминаниям вновь всплыть в памяти, как суровый и хладнокровный офицер почувствовал, что его лицо заливают краской.

— Надо же, ты умеешь смущаться? — Пэтти так и покатилась со смеху, глядя на его пунцовые уши.

— Я вообще-то живой человек! — буркнул он, сердито зыркнув на нее.

— Ладно тебе, колись: как вы познакомились с твоим «кузеном»? — Она заговорщически толкнула его локтем в бок. Глаза ее горели неподдельным любопытством. — Там, в банкетном зале, половина знатных отпрысков извелась, пытаясь у меня хоть какие-то подробности о нем.

Ван Цзиншань ненадолго задумался.

— На побережье, — наконец ответил он.

— Значит, он тебе вовсе не родственник?

— Да, — кивнул он и после короткой паузы добавил: — Он мой парень.

Произнеся это вслух, он почувствовал, как с души свалился огромный камень. Действительно, зачем скрывать их отношения с Носком? В этом не было никакого смысла. В конце концов, он — старший офицер полиции Империи. Неужели он не сможет защитить собственного возлюбленного?

Пэтти не выказала ни малейшего удивления по поводу их однополый связи и даже не стала допытываться, как именно двое мужчин умудрились зачать ребенка. Она лишь искренне обрадовалась за друга:

— Подумать только, отхватил себе такого молодого красавца! Ну ты и счастливчик, Цзиншань!

— Это точно, — тихо согласился он. — Мне невообразимо повезло.

Встреча с Носком стала главным чудом в его жизни.

— Могу представить, какой у вас будет ребенок, — мечтательно вздохнула Пэтти. — С такими-то генами! Настоящий ангел. Я уже сейчас хочу договориться о помолвке на будущее для своего малыша.

Ван Цзиншань промолчал. Мысли его унеслись далеко вперед — он лихорадочно соображал, как будет объяснять всем происхождение новорожденных осьминогов, когда придет время «облегчить ношу».

Тем временем в коридорах лайнера Носк, успевший одеться, столкнулся с той самой вчерашней компанией благородных господ.

— Сударь, позвольте узнать ваше имя?

— Я забронировал столик в лучшем ресторане столицы. Не окажете ли мне честь...

Они состязались друг с другом, протягивая пышные букеты, сундучки со звонкой монетой и

коробочки с огромными бриллиантами в десять карат. Каждый наперебой пытался позвать его на ужин.

Даже то, что накануне вечером они лично видели страстный поцелуй Носка и Ван Цзиншаня, ничуть их не охладило. Напротив, столь совершенное создание превратилось в желанный трофей. Сегодня золотая молодежь устроила пари: тот, кому первому удастся затащить прелестного незнакомца в ресторан, сорвет куш в пять миллионов золотых монет.

Носк недовольно нахмурился:

— Вы мне мешаете. Дайте пройти.

Они заступали ему дорогу к Цзиншаню.

— Ну куда же вы так спешите? Давайте поднимемся в каюту и поболтаем с глазу на глаз... — Смазливый франт с ухмылкой шагнул вперед, протягивая руку.

Но не успели его пальцы коснуться чужой груди, как мир перед его глазами резко перевернулся. Секунда — и наглец, словно тяжелое спортивное ядро, взмыл в воздух и полетел за борт. Полы его дорогого фрака описали в полете изящную дугу, после чего раздался громкий всплеск.

— А-а-а-а! Помогите! Я не умею плавать! — Дикий вопль эхом разнесся над океаном.

Несчастный повеса и в страшном сне не мог представить, что банальный флирт обернется для него смертельной угрозой.

Оставшиеся в коридоре щеголи застыли, как громом пораженные. Осознав, что произошло, они в панике попятились назад. Теперь этот прекрасный изящный юноша казался им сущим дьяволом.

Никто даже не уловил его движений. Все произошло в мгновение ока: легкий взмах — и взрослый мужчина отправляется в полет, точно пустая жестяная банка. Как этот хрупкий на вид парень мог обладать столь чудовищной силой?

— Пропустите, — бросил Носк.

На этот раз желающих преградить ему путь не нашлось. Толпа мгновенно расступилась. Проводив его испуганными взглядами, аристократы смотрели, как он легкой походкой идет на палубу и со спины обнимает Ван Цзиншаня. Уткнувшись подбородком в крепкое плечо офицера, Носк ласково потерся об него:

— Почему ты ушел? Я проснулся, а тебя нет.

Почувствовав прохладу этих доверчивых объятий, Ван Цзиншань мягко накрыл его ладони своими.

— Не спалось. Решил подышать свежим воздухом, — тихо ответил он.

На самом деле он сбежал из каюты лишь потому, что боялся потерять контроль. Останься он там еще на полчаса, пленительный мускусный аромат заставил бы его снова тискать спящего осьминога, а будить Носка ему очень не хотелось. Ведь тот был невероятно милым...

Перед глазами Цзиншаня до сих пор стояли эти податливые щупальца со скользкими присосками. Стоило коснуться их, как они жадно, словно изголодавшись, обхватывали его пальцы, умоляя не останавливаться и продолжать ласки. Для него они не имели ничего общего с монструозностью. Напротив, они казались на удивление нежными, игривыми и невероятно соблазнительными. Сквозь темно-красную кожу угадывалось биение скрытой силы. А затем они сплетались вокруг его тела, даря упоительное ощущение защищенности и абсолютной полноты.

Носк коснулся губами его уха и прошептал:

— Ты слишком легко одет. Простудишься ведь.

— Все в порядке, — Цзиншань плотнее стянул пояс халата.

Стоявшая неподалеку Пэтти завистливо вздохнула:

— Послушайте, голубки, вы не могли бы ворковать в более уединенном месте?

Офицер густо покраснел. В таких делах он по-прежнему оставался довольно застенчивым.

Носк удивленно склонил голову набок:

— Это еще почему?

— Проявите хоть каплю сострадания к одиноким сердцам! — шутливо возмутилась Пэтти.

— С какой стати меня должны волновать чужие чувства? — искренне не понял Носк.

Пэтти закатила глаза, мысленно взывая к небесам. Господи боже, неужели в этом мире действительно нет безупречных парней? Обязательно найдется какой-то изъян.

— Прости его, он у меня несносный, — неловко улыбнулся Ван Цзиншань и, перехватив ладонь Носка, потянул его за собой: — Пойдем в каюту.

Пэтти лишь покачала головой вслед уходящей паре.

После этой ночи имя Носка мгновенно облетело весь высший свет Империи Ангра. Сам он, разумеется, об этом даже не подозревал.

Аристократы задействовали все свои связи, чтобы разузнать хоть что-то о загадочном юноше, но его личность была окутана плотной завесой тайны. Никто не знал, откуда он взялся и к какому знатному роду принадлежит. Единственной зацепкой в его документах значилось место рождения. То самое захолустье, куда когда-то сослали офицера Вана. Далекий клочок суши посреди бескрайней бездны — Остров Осьминогов в акватории Акос.

Изначально Ван Цзиншань планировал вернуться на остров сразу после свадьбы Пэтти. Там, на Острове Осьминогов, Носк чувствовал себя в родной стихии. И хотя акватория Акос сильно пострадала от загрязнения, скрытый в глубинах Жёлоба Мали дом оставался вполне надежным и безопасным убежищем. Но переезд требовал тщательной подготовки.

Однако Пэтти и слышать об этом не желала.

— С ума сошел? Ты же в положении! Как можно пускаться в дальний путь с ребенком под сердцем? Там, на твоём заброшенном острове, даже захудалой больницы нет. Ты ведь первый мужчина в истории, решившийся на такое! А если возникнут осложнения при родах? Кому ты там плакаться будешь — чайкам?

— Но...

— Никаких «но». Вопрос с твоим декретом я улажу сама. Ты остаешься в столице.

— Но ведь остров — родной дом Носка, — попытался возразить Цзиншань.

Пэтти посмотрела на него с нескрываемым разочарованием:

— Надо же, какой ты стал сентиментальный. Неужели любовь совсем лишила тебя разума?

Ван Цзиншань опешил. Неужели он действительно вел себя так глупо?

Впрочем, Носку столица тоже пришлась по душе. Хоть здесь и не было моря, зато имелись

огромные торговые центры, кинотеатры, круглосуточные магазинчики, шумные рынки и, самое главное, его любимый человек.

Взвесив все риски, связанные с предстоящими родами, и уступив настойчивым уговорам Пэтти и Адлера, они решили на время обосноваться в Метрополии Лоси.

Выехав из отеля, Цзиншань арендовал на окраине города просторную виллу с бассейном. Стоило это удовольствие баснословных денег, но сухость материкового климата давалась осьминогу нелегко. Мужчина надеялся, что прохладная вода в бассейне скрасит его будни.

Жизнь среди людей преобразила Носка. Он развивался с поразительной быстротой. Цзиншань частенько приводил его в городскую библиотеку, где они просиживали с утра до позднего вечера. Юноша, словно губка, впитывал новые знания, жадно изучал достижения человеческой цивилизации и усердно копировал повадки окружающих.

Вскоре он уже вовсю хозяйничал на кухне и даже освоил вождение автомобиля. Постепенно ему открывались тонкости человеческой психологии: он понял, что слезы означают печаль, а улыбка — радость. Даже те эмоциональные проявления, которые не поддавались логике его вида, он прилежно пытался применить на практике.

Прошла всего неделя таких занятий, а перемены в нем уже поражали воображение. И эти успехи не только радовали Цзиншаня, но и вселяли в его душу смутную тревогу. Когда разум Носка окончательно окрепнет и сформируется в независимую личность, захочет ли он остаться рядом с ним?

Пусть Носк и лънул к нему при каждом удобном случае, не желая отпускать ни на миг, Ван Цзиншань понимал: за этой нежностью скрывается нечто иное. Древнее морское существо мыслило иными категориями. Вполне вероятно, что его привязанность была сродни сыновнему инстинкту к матери, а вовсе не романтическим чувствам. Да и как иначе объяснить, почему на парящей в воздухе карте шкала прогресса застыла на жалком тридцати процентах?

В последнее время все его мысли были заняты лишь тем, как растопить сердце своего необычного спутника и сдвинуть дело с мертвой точки. Он переживал из-за этого куда сильнее, чем из-за собственного округлившегося живота. Поэтому звонок доктора Джека застал его врасплох — офицер внезапно осознал, что безнадежно забросил плановые осмотры.

— Я поеду с тобой, — тут же вызвался Носк.

— Хорошо, — Ван Цзиншань ушел в спальню, чтобы сменить одежду на более свободную рубашку. — Сдадим анализы, а потом поедem куда-нибудь развлечься. — Завязывая галстук, он ласково взглянул на партнера.

— Правда? — Глаза Носка радостно заблестели.

— Конечно. Ты же знаешь, я всегда держу слово, — улыбнулся Цзиншань. — Я присмотрел парочку мест. Куда хочешь: в зал игровых автоматов, на картинг или, может, поищем пластинки в музыкальном магазине?

Носк на мгновение задумался, прикусив губу.

— Хочу в океанариум.

— Договорились. Закажу билеты через сеть.

Юноша уставился на него своими влажными алыми глазами, заставляя сердце офицера пропустить удар.

— А можно... во все места сразу? — жалобно протянул он.

— Все, что пожелаешь, мой милый Носк. Я исполню любую твою прихоть, — Цзиншань ласково взъерошил его темные волосы, от которых все еще исходил легкий запах влаги. Заметив это, он достал из ящика комода фен.

— Тогда... погладишь меня? — Носк приподнял лицо, преданно заглядывая ему в глаза.

Офицер кашлянул, пытаясь скрыть смущение:

— И где же тебя погладить? — Разговор явно принимал двусмысленный оборот.

— Вот тут.

Носк забрался с ногами на диван, и его нижняя половина тела мгновенно рассыпалась веером извивающихся щупалец. Дома он все чаще предпочитал оставаться в таком полуобличье — так было гораздо удобнее.

Ученые давно доказали, что в моменты блаженства осьминоги тоже вырабатывают дофамин. Каждое прикосновение Цзиншаня к нежным присоскам приносило Носку такое невероятное удовольствие, что он быстро пристрастился к этим сеансам. Теперь без ежедневной порции ласк он буквально изнывал.

Цзиншань примостился рядом и принялся усердно разминать упругую плоть. Надо признать, он и сам находил в этом занятии своеобразную прелесть — плавные поглаживания отлично снимали стресс. Носк блаженно зажмурился.

— М-м-м... Цзиншань... да, именно там... посильнее... ах...

— Еще... чуть крепче... слишком нежно...

Вам когда-нибудь доводилось слышать томные вздохи осьминога? Ван Цзиншань поспешно скрутил из салфетки жгутик и засунул его в ноздрю. Наученный горьким опытом, он знал: пренебрежение этой мерой предосторожности неминуемо приведет к обильному носовому кровотечению.

Сами того не замечая, гибкие отростки разрастались все шире, оплетая мужчину кольцами, точно гигантские змеи. Присоски, казалось, обзавелись крошечными невидимыми зубками — они легонько покусывали его сквозь ткань домашней одежды, вызывая нестерпимый зуд.

— Перестань... — слабо попытался отстраниться Цзиншань, но хватка лишь окрепла. — Носк, прекрати, мы точно опоздаем. — Он демонстративно постучал пальцем по циферблату часов.

Однако в этот раз Носк не собирался отступать. Щупальца, подобно буйным лозам плюща, заполонили все пространство гостиной. Бережно приподняв мужчину над полом, они плавно понесли его в сторону кухни.

— Цзиншань, у меня тут отросла новая гектокотиль. Хочешь попробовать?

Юноша обернулся к нему. Влажные темные пряди облепили его виски. Капли воды вперемешку со сладкой слизью, похожей на дикий мед, медленно стекали по его шее прямо на рельефную грудь офицера.

Ван Цзиншань опешил.

— Но ты же сам говорил, что у твоего вида гектокотиль вырастает лишь раз в жизни?

Именно поэтому он был уверен, что у Носка может быть только одна партнерская связь и один единственный брак на всю жизнь. Неужели тот нагло врал ему все это время?

— Наверное, это все из-за операции, которую мне сделал профессор Смит, — небрежно отозвался Носк. С этими словами одно из его массивных щупалец ловко подхватило чугунную сковороду, второе повернуло ручку плиты, а третье принялось аккуратно наливать масло. — Как тебе приготовить? Пожарить на сильном огне, сварить суп, замариновать или запечь на гриле? Могу добавить побольше зир, ты ведь ее обожаешь, — деловито бормотал он.

— Не стоит, — Цзиншань не знал, плакать ему или смеяться. — Я сыт.

Прежде он души не чаял в морепродуктах. Бывали времена, когда он дня не мог прожить без порции нежного осьминога. Но теперь его так воротило от подобных блюд, что при виде живых моллюсков на прилавках рынка у него возникало лишь одно желание — скупить их всех и выпустить обратно в океан. Все-таки внутри него зрело их потомство.

— К тому же, — резонно заметил он, — если я ее съем, то снова забеременею?

— Ну ладно, — Носк обиженно отставил сковороду в сторону.

Его алые глаза подернулись влажной пеленой, грозя пролиться горячими слезами. У Цзиншаня от этого зрелища болезненно сжалось сердце — ради улыбки этого капризного существа он готов был горы свернуть.

— Ну хорошо, хорошо, не дуйся. Я съем ее, — торопливо пошел он на попятную. В конце концов, одним разом больше, одним меньше. Он был готов рискнуть. Подумаешь, родит еще десяток-другой маленьких осьминогов. Он — закаленный в боях офицер полиции, прошедший сквозь огонь и воду, неужели испугается каких-то трудностей?

— Не хочу, — надулся Носк.

— Да почему опять «не хочу»? — Цзиншань в замешательстве почесал затылок.

— Тебе не нравится.

— С чего ты взял?

— Твое лицо так говорит, — медленно пояснил юноша.

Он и впрямь делал поразительные успехи, на лету осваивая чтение человеческих эмоций.

— Позволь мне научить тебя одной полезной фразе, — мягко произнес Ван Цзиншань. — Повторяй за мной: «говорить одно, а думать другое». Или, по-нашему, кривить душой.

— Кривить душой... — послушно повторил Носк. — И что это значит?

— Это когда человек утверждает, будто ему что-то не нравится, хотя в глубине души он от этого без ума.

Носк склонил голову набок, лукаво прищурившись:

— Получается, тебе все-таки нравится есть мои гектокотили?

— Нет, — отрезал Цзиншань.

Носк понимающе кивнул. Теперь ему все стало ясно: люди просто обожают это лакомство, но

стесняются признаться.

В то же мгновение парящий в воздухе прозрачный экран тихонько звякнул, обновляя данные:

[Прогресс покорения Нечеловека 01 игроком Ван Цзиншанем: 2/3]

Трущобы улицы Ароя, дом 104

Подпольная клиника

Доктор Джек ждал визита гостей с десяти утра. К восьми часам вечера он уже окончательно лишился сил и дремал в своем потертом кожаном кресле.

Раздался настойчивый стук в дверь.

— Иду-иду... кого там принесло... — Джек сонно забормотал, утирая набежавшую слюну, спешно натянул шлепанцы и поплелся открывать.

На пороге стояли офицер Ван и его необычный спутник. Для постороннего глаза Носк выглядел как сказочно красивый молодой человек.

Цзиншань протянул доктору бумажный пакет с гостинцами:

— Прости за опоздание. На дорогах жуткие пробки.

— Ничего страшного, заходите, — Джек радушно замахал руками, хотя про себя язвительно подумал: «Интересно, в каких таких пробках можно простоять целых десять часов?»

Носк с любопытством принялся изучать обстановку кабинета. Он то и дело касался пальцами стеклянных банок с заспиртованными органами диковинных существ. Один из сосудов особенно привлек его внимание. Юноша уже примеривался, как бы незаметно спрятать его под одежду, когда раздался строгий голос:

— Носк!

Осьминог мгновенно отдернул руку и обернулся с самым невинным видом:

— Что такое?

— Ничего не трогай без разрешения, — строго взглянул на него Цзиншань.

— Да я и не собирался, — соврал Носк, послушно пряча руки за спину.

Уложив пациента на кушетку, Джек привычно приступил к ультразвуковому исследованию. Однако едва на мониторе появилось изображение, как глаза врача округлились от ужаса.

С момента последнего визита прошло от силы две недели, но находящиеся в утробе офицера яйца увеличились до невероятных, пугающих размеров.

Носк тоже подался вперед, с детским восторгом разглядывая расплывчатые черно-белые контуры на экране.

— Ну что там? — с тревогой спросил Ван Цзиншань.

Доктор Джек медленно повернулся к нему, и в его взгляде читалось искреннее сочувствие:

— Офицер Ван... Похоже, вам пора рожать.

<http://bllate.org/book/20372/2167398>